

Малый и средний бизнес

ПЕРЕСМОТР ДОЛГОСРОЧНЫХ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И РЕГИОНАХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В. А. БАРИНОВА
С. П. ЗЕМЦОВ
А. А. МИХАЙЛОВ
Ю. В. ЦАРЁВА

Традиционно тренды и закономерности развития сферы малого и среднего предпринимательства (МСП) в России оцениваются без учета изменения статистических критериев и методик, что может искажать анализ. В настоящей статье описаны и кратко объяснены долгосрочные тенденции развития сектора МСП за последние 20 лет в России, в том числе с учетом единой сквозной методики построения рядов данных.

Установлено, что число субъектов МСП в последние годы в стране сокращается, но все еще превышает значения 2000-х годов благодаря усложнению структуры сектора, распространению различного рода франшиз и дроблению бизнеса для ухода от налогообложения. Фактическая занятость в секторе МСП без учета самозанятых сокращается многие годы. Негативные тренды связаны со снижением доходов населения и экономической активности, особенно в период пандемии.

В последние годы растет число вынужденных предпринимателей, самозанятых, а соответственно, и вовлеченность населения в предпринимательскую деятельность. Производительность в секторе МСП ниже, чем в экономике в целом, и в последние несколько лет этот разрыв нарастал по мере уменьшения среднего размера субъекта МСП.

Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС в 2022 г.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, предпринимательская активность, производительность труда, занятость, самозанятые, регионы России, пандемия.

JEL: L26, P1.

Введение

Современные исследования предпринимательства, в том числе сферы МСП, сосредоточены преимущественно на анализе текущей ситуации, основываются на статистике различных ведомств или опросах предпринимателей [18; 22]. Особый интерес с этой точки зрения представляет период коронакризиса [7; 10; 14; 16], когда в наибольшей степени пострадал именно малый и средний бизнес.

Вместе с тем для оценки общих закономерностей развития сферы МСП, а также с целью повышения эффективности проводимой политики поддержки предпринимательства [4;

12; 23] необходимо понимание долгосрочных тенденций и трендов на основе построения многолетних рядов статистических данных.

Существуют четыре основных фактора, искажающих динамику показателей в долгосрочном периоде: 1) особенности методологии Росстата – разрывы в рядах данных выборочных наблюдений в годы проведения сплошного наблюдения и неполная сопоставимость данных из других источников (ФНС, реестра МСП, системы СПАРК); 2) изменение критериев отнесения к МСП (прежде всего в 2016 г.); 3) включение Крыма в состав России; 4) переход на новые коды из Общероссийского

Баринаева Вера Александровна, заведующий международной лабораторией исследований проблем устойчивого развития РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией инновационной экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: barinova-va@ranepa.ru; *Земцов Степан Петрович*, директор Центра экономической географии и регионалистики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. геогр. наук (Москва), e-mail: zemtsov@ranepa.ru; *Михайлов Александр Александрович*, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: mikhaylov-aa@ranepa.ru; *Царёва Юлия Викторовна*, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: tsareva-yv@ranepa.ru

классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) — для отраслевого анализа.

Выявление трендов и закономерностей развития сферы МСП без учета изменения критериев и с использованием единой методологии позволит оценить, действительно ли в России стало больше/меньше малых и средних бизнесов вследствие проводимой политики, кризисов или же это погрешность статистических методик. Оценки реальных трендов и закономерностей помогут скорректировать набор мер поддержки, стратегические ориентиры [4] и не повторять ошибочных решений. При этом для нас важны не только тренды для страны в целом, но и понимание ситуации в регионах, поскольку она может сильно по ним различаться.

Неоднозначная динамика числа предприятий

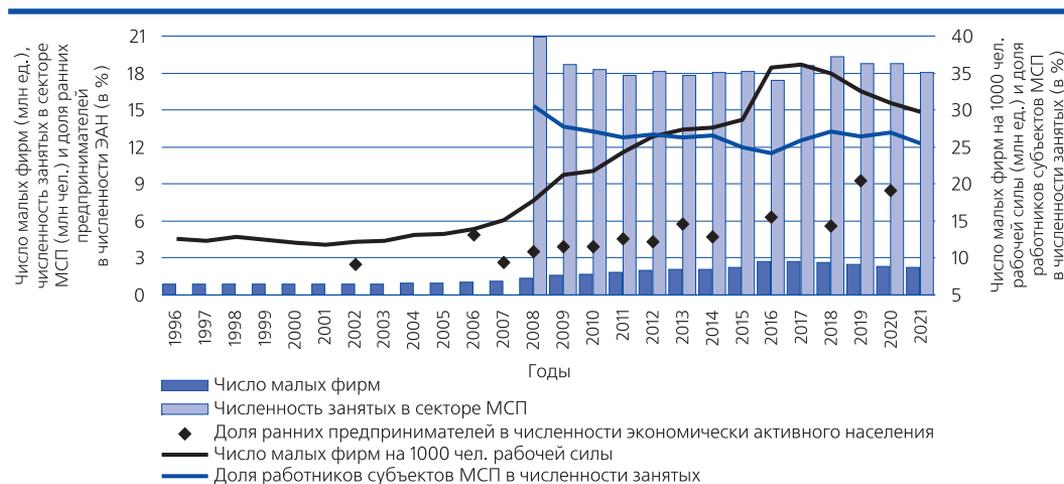
В первую очередь нас интересовала динамика числа малых, включая микро-, предприятий в России с 1996 по 2021 гг. (см. рис. 1), по которой имеется наиболее продолжительный ряд наблюдений. До 2019 г. для этого показателя

использовались данные Росстата, позднее — только данные Единого реестра субъектов МСП ФНС¹, что уже говорит об их несопоставимости. Также важно учитывать, что в 2008 и затем в 2016 гг. были пересмотрены (расширены) критерии отнесения предприятий к сфере МСП.

С 2008 г. основные показатели развития сферы МСП демонстрировали рост, однако он может объясняться установлением единых критериев для всех отраслей экономики с одновременным включением всех новых предприятий в число микрофирм, смягчением критериев по доле иных организаций в структуре собственности для инновационных компаний.

В 2016 г., когда была принята Стратегия развития МСП в России до 2030 г. [4], вместо критерия по «выручке от реализации без учета НДС» стали использовать критерий по «доходу, полученному от осуществления предпринимательской деятельности (суммируемому по всем осуществляемым видам деятельности)», т.е. отныне этот критерий учитывал не только выручку с продаж, но и все доходы по налоговому учету. За год до этого (летом 2015 г.) пре-

Рис. 1. Динамика основных показателей развития сектора МСП в России в 1996–2021 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата и ФНС.

¹ Единый реестр субъектов МСП ФНС России. URL: <https://ofd.nalog.ru/>

дельные значения по выручке (доходу) были повышены в два раза². В 2016 г. также были повышены критерии применения упрощенной системы налогообложения (УСН). Подобные меры могли стать дополнительным стимулом для дробления крупных компаний с целью получения налоговых и иных льгот, доступа к мерам господдержки, в связи с чем наблюдалось существенное увеличение числа малых предприятий, главным образом за счет микрофирм. Напомним, что к последним могли быть отнесены любые компании, зарегистрированные в текущем году, из-за отсутствия отчетности за предыдущие годы. Наибольшие темпы роста наблюдались в Москве.

В периоды кризисов и в следующий за кризисом год (2001, 2010, 2015, 2021 гг.) различия между регионами по плотности малого и среднего бизнеса серьезно сокращались. В целом коэффициент вариации, оценивающий подобные различия между регионами по плотности малого бизнеса, снизился с 0,68 в 1999 г. до 0,41 в 2021 г. Иными словами, малый бизнес постепенно развивался не только в центрах с оптимальным сочетанием всех факторов для ведения предпринимательской деятельности (например, в Москве или Санкт-Петербурге), но и в регионах с менее благоприятными условиями.

Альтернативным способом оценки изменения доли малых (и микро-) предприятий может являться сопоставление их числа с общим числом организаций.

В 1990-е годы доля малых предприятий в общем числе организаций составляла более 30–40% как результат наличия множества незанятых рыночных ниш, низких финансовых барьеров входа на рынок, незначительных издержек на преодоление административных барьеров вследствие слабости государства как контролера. Но эта доля постепенно уменьшалась до 2005 г. (20,5%) по мере роста государственного и некоммерческого секторов экономики, представленных государственными

и муниципальными унитарными предприятиями (ГУПами, МУПами), различными НКО. Также данная тенденция может объясняться и усилением роли в экономике крупных компаний (например, торговых сетей), и процессами слияний и поглощений, начавшимися с развитием в России рыночной экономики. Одновременно с этим в условиях опережающего роста заработных плат в бюджетном секторе на фоне высоких цен на нефть выбор в пользу предпринимательства перестал быть привлекательной альтернативой для занятости.

С 2005 г. доля малых предприятий начала устойчиво расти. Во-первых, во второй половине 2000-х годов образуются многочисленные государственные корпорации и холдинги: «Объединенная авиационная корпорация» (2006), «Объединенная судостроительная корпорация» (2007), «Ростех» (2007), «Росатом» (2007) и др. Они объединили многочисленные разрозненные государственные и частные предприятия в своих отраслях, снизив таким образом общее число организаций в стране (знаменатель искомого показателя).

Во-вторых, был реализован ряд мер по снижению административных барьеров. В 2000–2003 гг. была разработана и внедрена программа по либерализации законодательства [23], которая предполагала ослабление бюрократического давления на бизнес за счет снижения барьеров входа на рынок (регистрация юридических лиц по принципу «единого окна»; сокращение перечня лицензируемых видов деятельности и введение единого порядка лицензирования; упрощение процедуры согласования инвестиционной документации/экспертизы по принципу «единого окна»), устранения технических барьеров в процессе производства и торговли (реформа системы стандартизации и сертификации) и др. Закон о проверках и инспекциях (2001 г.) ограничивал число проверок в год, Закон о лицензировании (2002 г.) сделал уведомительным характер предпринимательской деятельности по

² Постановление Правительства РФ от 13 июля 2015 г. № 702.

отношению к надзорным органам, Закон о регистрации (2002 г.) существенно упростил процедуру регистрации, Закон о введении упрощенной системы налогообложения (2003 г.) позволил ослабить налоговую нагрузку на малый бизнес, Закон о техническом регулировании (2003 г.) упростил процедуры надзора. На рост числа малых, включая микро-, предприятий в этот период существенное влияние оказывали и другие меры государственной политики: реформа земельно-имущественных отношений, упрощение таможенных процедур, поправки в Лесном кодексе, проект «Доступное и комфортное жилье», меры по внедрению рыночного механизма в процесс исполнения ряда государственных функций в рамках административной реформы.

В-третьих, рос уровень жизни населения благодаря повышению цен на углеводородное сырье на мировых рынках. Потребительский спрос расширялся и становился разнообразнее, что создавало новые рыночные ниши для малого бизнеса, особенно в крупных городах. С этого времени растет число малых фирм, открываемых по франшизе³, например многочисленных ресторанов «МакДональдс», «Сабвэй», кофеен, салонов красоты. Безусловно, это способствовало увеличению доли малых предприятий в экономике.

Заметный всплеск значения показателя доли малых (и микро-) предприятий в общем числе организаций после 2016 г. (с 43,6 до 57,5%) объясняется не столько изменением критериев по выручке, сколько сменой методологии Росстата — число микропредприятий больше не рассчитывали на основе выборочных опросов и экстраполяции, а вместо этого использовали данные Единого реестра МСП.

С 2017 г. число малых фирм в стране сокращалось, а число создаваемых организаций в России становилось меньше, чем число ликвидируемых [18]. Это может быть связано как с общим падением экономической активно-

сти, так и с постепенным усилением контроля со стороны государства: Федеральная налоговая служба увеличила число возбужденных дел о незаконном дроблении бизнеса, о фирмах-однодневках и исключила их из реестров юридических лиц. При этом доля малого бизнеса в общем числе организаций увеличивалась из-за более быстрого сокращения общего числа иных юридических лиц, в том числе в результате процессов оптимизации и укрупнения компаний в бюджетном секторе.

В период пандемии негативные тенденции ускорились [10; 16] из-за падения покупательского спроса, противоэпидемиологических ограничений. По предварительным данным ФНС России, в 2020 г. число субъектов МСП сократилось на 4,2%, в 2021 г. — на 0,5% выросло, но только в 18 регионах их число превысило или восстановилось до значений 2019 г.

Если рассматривать динамику плотности малых предприятий в регионах России с 1996 по 2018 гг. по доступным данным Росстата (см. рис. 2), то здесь выделяется группа регионов-лидеров — Тюменская, Вологодская, Калининградская, Нижегородская, Новосибирская, Томская, Ульяновская области, Пермский край. Власти этих территорий продолжительное время проводили проактивную политику поддержки бизнеса; кроме того, положительной динамике в них способствовало сочетание объективных факторов [9; 12]: доступ к международным рынкам, например через порты в Калининградской области и Приморском крае; наличие крупных Пермской, Новосибирской, Томской, Нижегородской и других агломераций с высоким потребительским спросом. В большинстве этих регионов доля малых предприятий в общем числе организаций выше, чем в среднем по России. Прирост числа микро-, малых и средних фирм, включая индивидуальных предпринимателей, происходит в основном за счет создания новых фирм в Москве и Санкт-Петербурге — напри-

³ Франшиза (фр. *franchise* — льгота) — договор франчайзинга между владельцем бренда (франчайзер) и другим предпринимателем (франчайзи), по которому второй получает готовую схему ведения бизнеса, а первый разрешает использовать товарный знак, консультирует и оказывает поддержку открывшемуся бизнесу.

мер, за период с 2008 по 2018 гг. почти треть (31%) новых фирм была зарегистрирована в столице.

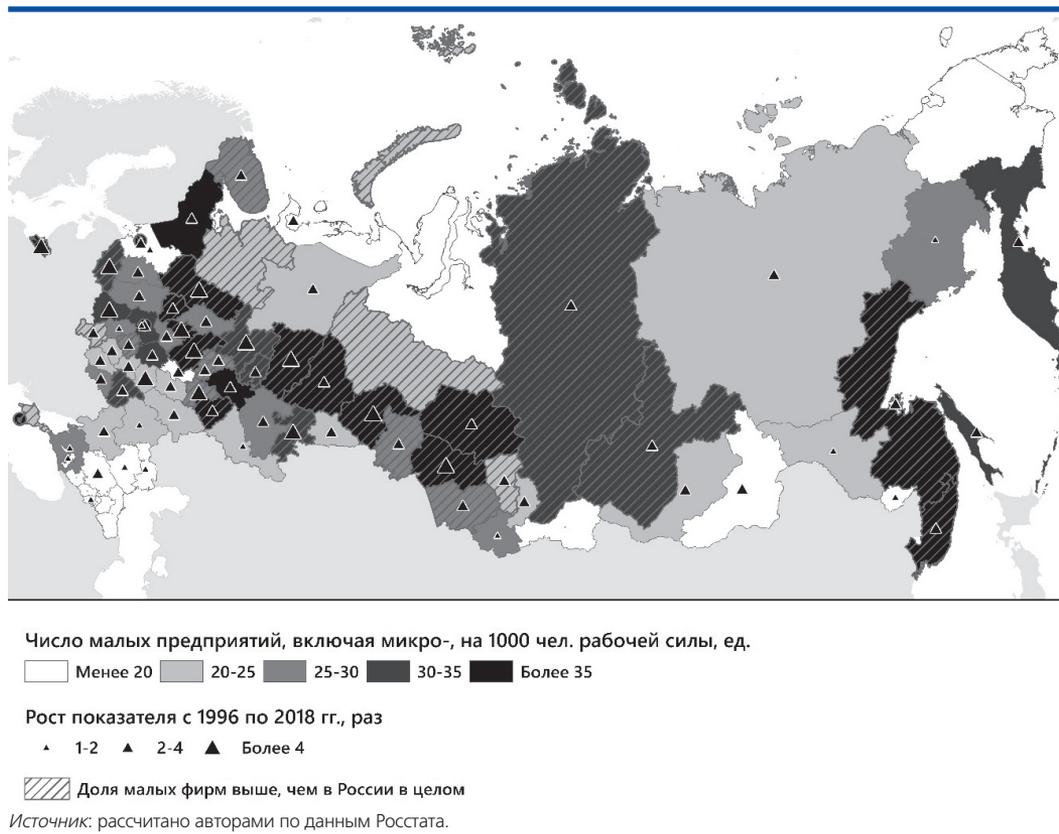
Выделяется и группа регионов, где плотность малого бизнеса за рассматриваемый период сократилась: это республики Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Тыва и Дагестан. Все эти территории характеризуются высокими инвестиционными рисками – они не сумели в полной мере выстроить систему поддержки и защиты МСП. Конечно, определенную роль при этом играет и увеличение численности жителей в этих регионах, которое не обеспечивается в должной мере ростом новых бизнесов.

В период пандемии, согласно данным Единого реестра МСП, в крупнейших агломераци-

ях страны (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород, Казань, Новосибирск, Екатеринбург и др.) [10; 16] кризис и режим самоизоляции затронули большее число субъектов МСП из-за высокой концентрации наиболее пострадавших отраслей (питание, гостиницы, туризм, развлечения и др.), но в них же были выше возможности для адаптации бизнеса благодаря крупным потребительским рынкам и высокой цифровизации услуг. В менее развитых регионах на севере и юге России масштабы кризиса в секторе МСП были больше.

Для решения задачи обеспечения сопоставимости данных за разные периоды мы использовали сквозной неизменяемый критерий на основе первичных источников информации о фирмах. Для анализа динамики числа пред-

Рис. 2. Уровень и динамика плотности малого бизнеса в регионах России в 1996–2018 гг.

приятий сектора МСП в России доступны: данные выборочных и сплошных обследований Росстата⁴, данные бухгалтерской (финансовой) отчетности (БФО) ФНС России⁵, Единый реестр субъектов МСП ФНС России⁶ и данные базы СПАРК-Интерфакс⁷. Росстат и Единый реестр МСП включают в свои базы фирмы с нулевой выручкой, которые нельзя исключить из выборки. Данные СПАРК, напротив, не содержат фирм, отчетность которых либо не сдана, либо отсутствует в финансовой отчетности ФНС, но опубликованные системой сведения были очищены нами от фирм с нулевой выручкой. Данные БФО ФНС позволяют анализировать число МСП вместе и в отдельности от фирм с нулевой выручкой – очевидно, что число фирм без учета тех, которые указали нулевую выручку, меньше.

Согласно данным Росстата до 2016 г. число субъектов МСП – юридических лиц (ЮЛ) в России возросло. (См. рис. 3.) Вместе с тем

несколько раз менявшиеся критерии отнесения предприятий к сфере МСП ставят под сомнение правомерность построения длинных рядов данных без корректировки. Нами, с целью выявления возможных расхождений в данных, проведено сопоставление динамики числа МСП с 2008 г. по официальным критериям, которые менялись, а также по критериям, очищенным от изменений (БФО, СПАРК). При этом использовались единые действующие критерии по выручке.

Данные БФО ФНС позволяют оценить влияние повышения пороговых значений критерия по выручке (доходу) на количественный рост сектора МСП. Это влияние было не сильным, так как к числу фирм с доходом (выручкой) в диапазоне от 1 до 2 млрд руб. в 2016 г. относились примерно 19 тыс. фирм; к предприятиям с доходом (выручкой) от 60 до 120 млн руб. – около 100 тыс. фирм, соответственно, они перешли из категории «малых» в категорию

Рис. 3. Динамика числа МСП – юридических лиц в России в 2008–2021 гг. по разным источникам данных, млн ед.

Источник: составлено авторами по различным источникам.

⁴ Малое и среднее предпринимательство в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>; Сплошное статистическое наблюдение за деятельностью малого и среднего предпринимательства. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/per_Mal-i-Sr.htm

⁵ Бухгалтерская (финансовая) отчетность. URL: <https://bo.nalog.ru/>

⁶ Единый реестр субъектов МСП. URL: <https://ofd.nalog.ru/>

⁷ СПАРК-Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/>

«микро-»; к предприятиям с доходом (выручкой) от 400 до 800 млн руб. — около 24 тыс. фирм, соответственно, они перешли из категории «средних» в категорию «малых». Таким образом, согласно нашим оценкам, основанным на данных БФО ФНС, изменение критерия по выручке в 2016 г. привело к увеличению числа микропредприятий на 100 тыс., сокращению числа малых предприятий на 76 тыс. (минус 100 тыс., ушедших в микро-, плюс 24 тыс., пришедших из средних) и сокращению числа средних предприятий примерно на 5 тыс. (минус 24 тыс., ушедших в малые, плюс 19 тыс., пришедших в средние из крупных). При этом сам сектор МСП стал статистически больше на 19 тыс. предприятий (с доходом от 1 до 2 млрд руб.).

Рост числа предприятий в 2008–2011 и в 2013–2014 гг. происходил во многом за счет регистрации фирм с нулевой выручкой (фирмы-однодневки, дробление с целью ухода от налогообложения, несостоявшиеся бизнесы и т.д.). Некоторый рост числа реально работающих предприятий наблюдался в 2015 г.⁸; по данным же Росстата, резкое увеличение этого показателя пришлось на 2016 г. (в результате изменения методологии). Затем по данным о фирмах с ненулевой выручкой просматривается относительно стабильная динамика; по данным же обо всех фирмах — почти непрекращающееся уменьшение числа субъектов МСП — юридических лиц.

Применение единых критериев (БФО ЮЛ с нулевой выручкой) в целом подтвердило общие закономерности, выявляемые с помощью данных Росстата: после 2016 г. наблюдается общий тренд на стагнацию с тенденцией сокращения числа МСП-ЮЛ, что подтверждается разными источниками данных. Обращает на себя внимание тот факт, что реальное число действующих юридических лиц с ненулевой выручкой (СПАРК) несколько выросло в 2019 г., а по данным Единого реестра МСП,

оно снижалось. Это может объясняться тем, что многие компании не сдавали отчетность, подтверждающую статус субъекта МСП (например, о среднесписочной численности работников) [16], и, соответственно, не попадали в Единый реестр МСП.

Нисходящий тренд в занятости

Данные по занятости в секторе МСП — еще более ограниченные, но начиная с 2008 г. критерии по занятости существенно не менялись, хотя в 2016 г. в качестве основы для пороговых значений этого показателя стали использоваться данные о среднесписочной численности работников без учета внешних совместителей, что несколько ослабило динамику и снизило долю сектора МСП в занятости. (См. рис. 1.) Расчет доли занятых в МСП во всей занятости существенным образом зависит от определения числителя (с самозанятыми, теневым сектором или без них) и знаменателя (общая занятость или среднесписочная численность работников в экономике). Приводимые ниже значения следует отнести к минимальным оценкам, в действительности же доля сектора в среднесписочной численности работников может превышать 38% [17], а вместе с теневым сектором — увеличиваться до 55%. (Подробно о динамике занятости см. в [11].)

После периодов экономической нестабильности доля МСП в занятости сокращается, как это было в 2009 г. после кризиса 2008 г. и в 2016 г. после кризиса 2014–2015 гг.⁹ (см. рис. 1), поскольку часть фирм в кризис разоряется и многие малые и средние предприятия стремятся вывести работников в серую зону для снижения налоговых и иных издержек. Тогда как крупные предприятия находятся в это время под более пристальным вниманием контролирующих органов. Некоторое ужесточение государственной политики также приводило к сокращению занятости в МСП —

⁸ Обращаем внимание на то, что в этот же период в России наблюдался всплеск регистраций юридических лиц за счет Крыма и Севастополя.

⁹ По-видимому, статистика фиксирует изменение занятости с лагом в один год после пика кризиса.

к такого рода мерам относились увеличение бизнесом выплат в социальные фонды и повышение НДС, снос торговых павильонов, введение онлайн-касс и др. В связи с этим доля занятых в неформальном секторе выросла в 2008–2019 гг. с 16,6 до 20,1%, или на 500 тыс. человек¹⁰.

В период с 2008 по 2018 гг., по данным Росстата, произошло массовое сокращение занятости в секторе МСП в российских регионах. Занятость в сфере МСП повышалась с 2009 по 2018 гг. (средние ежегодные темпы роста) всего в 14 регионах, а в 69 регионах – снижалась [11]. В периоды кризисов территории с неблагоприятными условиями для предпринимательской деятельности, со слабыми связями внутри предпринимательской экосистемы между бизнесами, властями, местным сообществом испытывали значительное падение занятости в секторе МСП – например, в кризис 2014–2015 гг. в Арктической зоне, в ряде регионов Дальнего Востока и Северного Кавказа. При этом среди лидеров по росту занятости были отмечены Чеченская Республика и Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ, где прирост, скорее всего, был связан с выходом части бизнесов из тени, а также с изначально низкой базой. В Санкт-Петербурге, Новосибирской и Белгородской областях рост занятости в МСП совпал с общим ростом численности населения. Наиболее сильное сокращение численности занятых в МСП наблюдалось в Ставропольском крае, Волгоградской области и Республике Мордовия.

Некоторый рост занятости в секторе МСП в 2018 г. происходил в ряде крупных субъектов РФ, где проводился чемпионат мира по футболу: Москве, Санкт-Петербурге, Самарской, Ленинградской, Московской областях. Этому способствовало развитие сервисов, обслуживающих болельщиков: доли торговли, питания, аренды жилья, развлечений в обороте малых фирм в это время выросли.

Если межрегиональные различия в плотности малых бизнесов сокращаются, то в отношении доли МСП в занятости они определенно растут. В рассматриваемый период 1998–2018 гг. занятость быстрее повышалась в крупнейших центрах предпринимательства, что свидетельствует об усилении концентрации субъектов МСП, несмотря на выравнивающую политику федеральных властей в этой сфере.

С 2017 г. показатели занятости МСП на рис. 1 рассчитаны по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России. Здесь наблюдается сокращение числа работников в результате пандемии: в 2021 г. – на 4,1%, что является максимальным снижением за время наблюдений с 2009 г. Показатель не учитывает численности самозанятых – плательщиков налога на профессиональный доход, число которых активно росло в этот период [16].

Падающая производительность и доля сектора МСП в ВВП

Доля сектора МСП в валовом внутреннем продукте России публикуется с большой задержкой, поэтому на сегодняшний день доступны данные только до 2020 г.: так, за период 2015–2020 гг. доля МСП в ВВП снизилась с 23 до 20,3%, но выросла по сравнению с 2011 г. (См. рис. 4.) Отметим, что Росстат начал публиковать официальные данные по этому показателю лишь с 2017 г., а до этого предоставлял его примерные оценки Министерству экономического развития России по его запросу. При этом Росстат сам отмечает несопоставимость оценок из-за изменения ОКВЭД и критериев отнесения предприятий к субъектам МСП.

Хотя значения этого показателя и ниже, чем в большинстве развитых стран [17], на наш взгляд, проблема состоит скорее не в низкой доле МСП в ВВП, а в высокой доле государственного сектора в экономике, которая превышает 46% [1]. Доля МСП в добавленной стоимости исключительно бизнес-сектора России

¹⁰ Легализация самозанятых может привести к уменьшению численности индивидуальных предпринимателей в результате их перевода в категорию самозанятых, а также к снижению занятости на малых предприятиях (включая микро-) за счет вывода части сотрудников из статуса наемных работников.

в 2018 г. составляла около 43–44% [17], что уже ближе к соответствующим значениям крупных стран: США (48%), Канады (30%), Мексики (38%).

На региональном уровне показатель доли МСП в ВРП (см. рис. 5) сильно зависит от структуры экономики. В сельских регионах доля МСП в ВРП составляет более 25%, особенно в республиках Северного Кавказа (Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северная Осетия–Алания), а также в Чувашской Республике, Алтайском крае – более 30%. Это обусловлено недостатком в этих субъектах РФ крупных промышленных предприятий и большим числом частных фермерских хозяйств. В регионах Крымского, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов также высока доля МСП за счет частных туристических организаций, ИП и самозанятых. В крупных городских агломерациях (Санкт-Петербурге, Воронежской, Ростовской, Новосибирской областях) ситуация несколько иная, и высокая доля МСП объясняется здесь сервисной ориентацией региональной экономики. В пограничных регионах (Калининградской, Смоленской областях, Приморском крае) высокая доля МСП – следствие наличия пред-

приятий, занятых в транспортной отрасли. Наименьшая доля МСП зафиксирована в Арктике, в крупных сырьевых центрах Сибири и Дальнего Востока, где чрезмерны транспортные, энергетические и иные издержки ведения бизнеса [19].

Наиболее низкие значения доли сектора МСП в ВРП (ниже 15%) характерны для регионов с высокой долей добычи полезных ископаемых в ВРП (более 40%) – это Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа, Сахалинская и Астраханская области, республики Саха (Якутия) и Коми. Наши последние расчеты подтверждают, что в сырьевых центрах занятость в секторе МСП сокращается [11]. Возможно, это одно из проявлений эффекта «ресурсного проклятия» [8; 21], когда финансовые средства и рабочая сила перетекают в наиболее рентабельные крупные сырьевые компании, что создает слишком высокую стоимость труда для малого бизнеса. Кроме того, монополизация местных рынков сырьевыми корпорациями позволяет им контролировать появление новых предприятий-конкурентов. Например, в [24] показано, что число новых компаний исторически ниже в угледобывающих регионах.

Рис. 4. Динамика вклада сектора МСП в ВВП России в 2009–2020 гг.

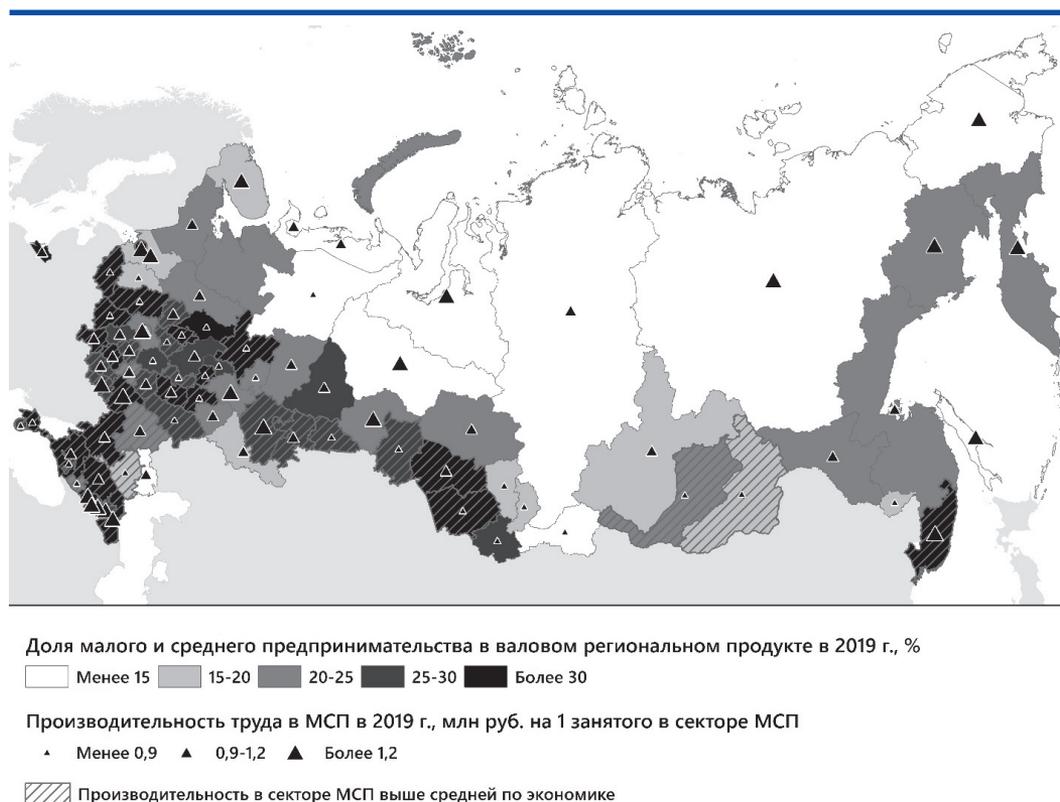
Источник: составлено авторами по данным Минэкономразвития России и Росстата.

Производительность труда, измеренная как добавленная стоимость в МСП на одного занятого в секторе МСП в России, в среднем составляет около 1,14 млн руб. Она росла с 2011 до 2017 гг. и сближалась с производительностью труда в экономике, составив в 2017 г. 90% от нее. Но по мере увеличения доли индивидуальных предпринимателей в структуре МСП и по мере дробления бизнеса, описанных ранее, производительность в секторе МСП стала падать и вернулась к значениям 2014 г.

В Москве вследствие высокой концентрации экономической активности и высоких доходов населения показатель производительности труда в МСП выше, чем в среднем по стране, — 1,68 млн руб. Выше среднероссийского значения он и в Санкт-Петербурге — 1,3 млн руб.

Выше среднероссийского значения производительность в МСП также на Северном Кавказе (в республиках Дагестан, Чечня, Ингушетия и др.) и в районах Крайнего Севера (Магаданской, Мурманской областях, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах, Камчатском крае, Республике Саха (Якутия)) — более 1,4 млн руб. В Арктике и на Севере это связано с тем, что каждое зарегистрированное предприятие, чтобы работать, должно преодолеть порог существенных издержек, поэтому вынуждено быть изначально экономически эффективным [19]. Впрочем, производительность в секторе МСП в этих регионах существенно ниже, чем в среднем по экономике, из-за наличия крупных сырьевых предприятий — «ЛУКОЙЛа», «Рос-

Рис. 5. Вклад сектора МСП в ВРП регионов России в 2019 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

нефти», «Газпрома», «Норильского никеля» и др. На Северном же Кавказе малые и средние предприятия могут занижать численность работников, что, соответственно, статистически завышает значение производительности. Похожая ситуация наблюдается в некоторых сельскохозяйственных регионах, где высока теневая занятость на селе, — Белгородской, Липецкой, Курской, Воронежской областях. Ниже производительность в МСП в наименее развитых регионах (Республике Тыва), а также в Крыму, что может быть связано с недоучетом доходов МСП в туристической отрасли. Показатель достаточно низок также в аграрных регионах с низкой интенсивностью сельского хозяйства (республиках Марий Эл и Чувашия).

Рост вовлеченности населения в предпринимательство

Еще одним важным источником для оценки уровня развития предпринимательства в России служат опросы Глобального мониторинга предпринимательства (GEM)¹¹ [6]. Предусмотренная им единая методика для всех стран позволяет проводить их сравнение и отслеживать тенденции. За двадцатилетие наблюдений в России GEM позволил выявить, что доля ранних предпринимателей¹² (индекс ТЕА) и доля владельцев бизнеса в целом в стране повышались, но 2020 г. внес в эту динамику свои коррективы. (См. рис. 1.)

Значения для России по этим и многим другим схожим опросным показателям ниже, чем в большинстве стран. Так, индекс ТЕА в России в 2019 г. достиг максимального значения в 9,3% ранних предпринимателей среди экономически активного населения, но в мире в среднем он составлял 14,5% [6]. По-прежнему большинство владельцев бизнеса в России (около 56% в 2019 г.) — вынужденные предприниматели, т.е. у них нет иных возможностей занятости. В результате кризиса 2020 г. их доля выросла. К сожалению, на региональном

уровне подобная статистика практически отсутствует¹³.

От большинства развитых стран Россию отличает низкая оценка возможностей ведения предпринимательской деятельности. Так, согласно опросам GEM, в 2018 г. всего 22,8% населения страны в возрасте от 18 до 64 лет видели возможность открыть фирму в регионе, в котором проживают. Для сравнения: в Швеции, Саудовской Аравии, США и Судане возможность начать бизнес видят более 70% граждан. Лишь в некоторых странах восприятие такой возможности ниже, чем в России, — в частности, в Иране, Болгарии, Греции и Японии.

Отношение общества к риску, неудачам и успеху, восприятие образа предпринимателя и начинающего предпринимателя, доверие к предпринимателям отражают социокультурные особенности конкретного региона, которые влияют на намерение заняться бизнесом [2; 5]. Отдельно отметим роль сетевых эффектов, т.е. наличие у значительной части населения знакомых предпринимателей. Динамика соответствующих показателей в России была неоднозначной [9]. Открытие и ведение бизнеса как деятельность с высокими рисками невозможна без доверия между контрагентами, но только 31% населения России в 2018 г. считали, что людям в целом можно доверять (в 2008 г. — 26%), тогда как в Швеции, которая относится к странам-лидерам по развитию МСП, этот показатель превышает 60%. В ряде регионов России это значение еще ниже [2; 5]. При этом в странах, где выше уровень доверия к людям, также выше и предпринимательская активность, и темпы роста экономики — как, например, в Китае, Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Малайзии и др. По данным ВЦИОМ, в 2019 г. доверяли предпринимателям 22% жителей России [20], 89% респондентов положительно относились к частному предпринимательству, тогда как в 2009 г. — 79%.

¹¹ GEM. URL: <https://www.gemconsortium.org>

¹² Доля открывших бизнес или желающих его открыть в ближайшее время в общем числе опрошенных.

¹³ За исключением [22].

Отношение населения к малому и среднему бизнесу в целом улучшается; люди хуже относятся к крупному бизнесу, который ассоциируется у них с олигархами. По данным ВЦИОМ, в 2017 г. деятельность российских предпринимателей и бизнесменов считали полезной для общества 72% респондентов, 89% положительно относились к частному предпринимательству [20]. При этом 62% граждан считали, что вести честный бизнес в нашей стране невозможно.

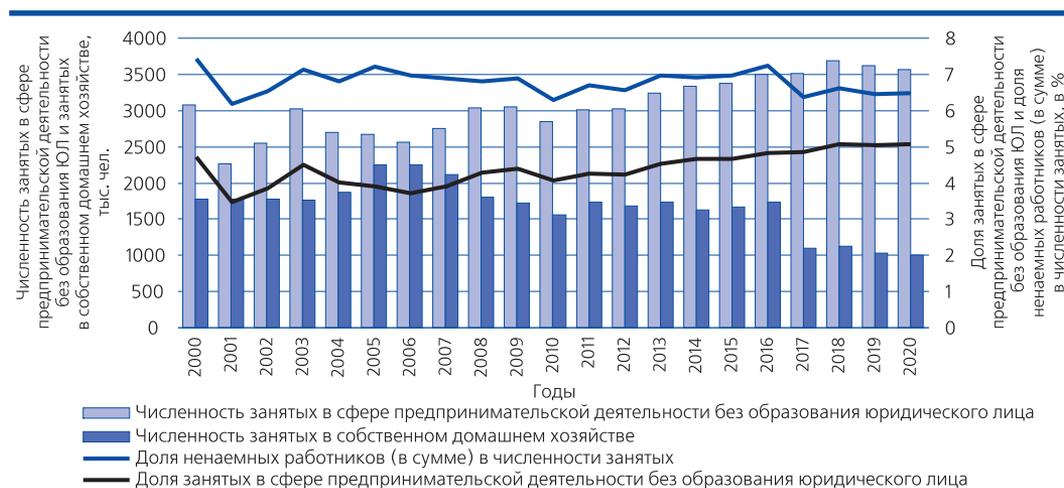
Уровень престижности профессии предпринимателя в обществе относительно высок. В 2018 г. профессия «предприниматель» при оценке желаемого будущего трудоустройства детей получила 3,4 балла из 5, уступив по популярности врачам и ученым (в 2010 г. – 3,51 балла, профессия уступала только врачам и госслужащим). Но 63% респондентов сами не хотели стать предпринимателями, лишь 25% хотели бы (в 2008 г. – 59 и 32% соответственно).

У нас нет данных по доле предпринимателей на региональном уровне [9], но есть статистика по доле занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования

юридического лица и доли занятых в собственном домашнем хозяйстве¹⁴. Очевидно, что речь идет о занятых не по найму, или о самозанятых в классическом значении этого слова. Самозанятость – это деятельность, зачастую возникающая в рамках вынужденного предпринимательства. Максимальная доля этой категории граждан была зафиксирована в 1990-е годы, затем численность предпринимателей, ведущих деятельность без образования юридического лица, постепенно возрастала, что подтверждает ранее описанные тенденции (на примере ТЕА), а численность занятых в собственном домашнем хозяйстве – снижалась. (См. рис. 6.) Последнее связано с сокращением доли сельского населения, ведущего сельскохозяйственную деятельность.

Доля лиц, не занятых наемным трудом, в общей численности занятых меньше в крупнейших агломерациях с высоким уровнем экономического развития – Москве, Санкт-Петербурге и близких к ним регионах, в Свердловской и Самарской областях. Здесь довольно развитый рынок наемного труда, большое число рабочих мест в различных сервисах, голов-

Рис. 6. Динамика доли ненаемных работников в численности занятых в России в 2000–2020 гг., в %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

¹⁴ Использованы данные сборника Росстата «Рабочая сила, занятость и безработица в России». В связи с тем, что сборник выпускается раз в два года, данные за недостающие годы были получены путем интерполяции располагаемых данных.

ных офисах крупных предприятий и в бюджетном секторе. Похожая ситуация характерна для крупных индустриальных (Тульской, Калужской, Ярославской, Челябинской областей, Пермского края) и добывающих (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Республики Коми, Мурманской области) центров, где также высок спрос на наемный труд. В подобных регионах в структуре занятости выше доля крупного бизнеса [15]. Впрочем, в Новосибирской, Челябинской, Калужской, Ленинградской областях, Санкт-Петербурге и в Республике Татарстан, где активно формировалась сервисная экономика и развивались новые производства, был отмечен рост числа предпринимателей.

Высокие значения доли ненаемных работников наблюдаются в регионах Северного Кавказа (наибольшее — в республиках Дагестан и Ингушетия, Чеченской Республике, где величина показателя составляет 26–28% от общей численности занятых), а также в регионах юга Европейской части России (Белгородской, Тамбовской и Ростовской областях, Краснодарском крае), республиках юга Сибири. Здесь эта категория занятых пополняется за счет вынужденного предпринимательства, порождаемого безработицей, и из-за существенной роли сельского хозяйства в структуре занятости. Некоторые из этих тенденций приводят к росту доли лиц, не занятых наемным трудом, в старопромышленных и депрессивных российских регионах (республиках Бурятия и Чувашия, Кировской области). В отдельных случаях значимым фактором при этом становится также локальная специфика предпринимательской деятельности [9] — в частности, таким образом можно объяснить высокие значения показателя в Астраханской области, республиках Якутия и Карелия. Например, в случае Астраханской области они могут быть связаны с распространением в регионе рыболовецкой деятельности в дельте Волги и прилегающей акватории Каспийского моря, в Карелии и Якутии — со значительной занятостью населения в лесном хозяйстве и сборе дикоросов.

Сильнее всего доля ненаемных работников сократилась за счет занятых в домашнем хозяйстве в сельских регионах, где население старело и активно переезжало в города, — в Воронежской, Пензенской, Брянской, Курской областях, Республике Дагестан и др.

Заключение

Для адекватной оценки долгосрочных трендов и закономерностей развития сферы МСП в России с 1996 по 2021 гг. нами использованы длинные ряды сопоставимых данных на основе единых критериев по выручке. Динамика числа малых предприятий непостоянна в силу ряда экономических и политических причин. Отрицательно на нее влияли экономические кризисы 1998, 2008, 2014, 2020 гг. и увеличение государственного и некоммерческого секторов экономики, введение санкций против России [13] — нехватка импортного оборудования и комплектующих, отток иностранных инвестиций; некоторую положительную роль сыграли реформы по снижению административного давления на бизнес 2001–2003 годов, изменение порогов применения УСН и другие меры государственной политики. Анализ скорректированных данных подтвердил наличие общего стагнационного тренда развития сферы МСП в России, оцениваемого по числу предприятий, после 2016 г.

Доля МСП в занятости сокращалась после периодов экономической нестабильности и отдельных эпизодов ужесточения требований государственной политики, например увеличения выплат в социальные фонды, введения онлайн-касс, повышения НДС и др. Доля работников в секторе МСП (без учета самозанятых) в общем числе занятых постепенно снизилась в период 2008–2021 гг. с 30,6 до 25,5% [11].

На региональные тренды влияли как исходные условия в виде наличия или близости крупных рынков и уровня инвестиционных рисков, так и факторы, подверженные влиянию со стороны региональных властей, в частности проактивная политика поддержки бизнеса. В по-

следние годы межрегиональные различия по плотности малого бизнеса и вовлеченности населения в предпринимательскую деятельность сокращаются.

Доля сектора МСП в ВВП в последние годы снижается. Заметим, что сам этот показатель в России ниже, чем во многих странах, из-за чрезмерной роли государственного сектора в экономике и обилия сырьевых корпораций. На региональном уровне показатель доли МСП в ВРП также сильно зависит от структуры экономики – в частности, он может быть высоким в сельскохозяйственных, курортных регионах, в случае сервисной ориентации экономики крупных агломераций, развитой транспортной отрасли приграничных территорий. В регионах с высокими издержками (например, в Арктике) доля МСП в ВРП невелика.

Производительность труда в секторе МСП росла с 2011 до 2017 гг. и сближалась с производительностью труда в экономике, однако затем, по мере увеличения доли индивидуальных предпринимателей и снижения среднего

размера субъекта МСП, она вернулась к значениям 2014 г.

Оценки вовлеченности населения в предпринимательство в России ниже, чем в большинстве стран мира, особенно в части оценки возможностей ведения бизнеса. После 2020 г. в стране увеличилась доля вынужденных предпринимателей. Вместе с тем, по данным ВЦИОМ, отношение населения к малому и среднему бизнесу в целом улучшается.

Комплексная оценка развития сферы МСП в России по основным статистическим и опросным показателям российской и международной статистики, с корректировкой на изменение методик, позволяет более объективно выявлять тренды и закономерности развития предпринимательства в текущий период. В целом в развитии малого и среднего предпринимательства следует признать преобладание негативных тенденций, но одновременно наблюдается также рост самозанятости и вовлеченности населения в вынужденную предпринимательскую деятельность. ■

Литература

1. Абрамов А.Е., Аксёнов И.В., Радугин А.Д., Чернова М.И. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13. № 1. С. 36–69.
2. Аузан А.А. Авдиенкова М.А., Андреева Д.А. и др. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: ЦСР, 2017.
3. Баринова В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 1. С. 23–46.
4. Баринова В., Земцов С., Коцюбинский В., Красносельских А., Царева Ю. Выполнение Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25. № 11. С. 36–45.
5. Брызгалов В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // *Вопросы экономики*. 2020. № 7. С. 108–126.
6. Верховская О.Р., Богатырева К.А., Кнатько Д.М., Дорохина М.В., Шмелёва Э.В. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2020/2021». СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2021.
7. Виленский А.В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // *Вестник Института экономики РАН*. 2020. № 4. С. 46–57.
8. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // *Вопросы экономики*. 2008. № 4. С. 61–74.
9. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. Т. 46. № 2. С. 168–180.
10. Земцов С.П., Михайлов А.А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 4. С. 34–45.
11. Земцов С.П., Царёва Ю.В., Салимова Д.Р., Баринова В.А. Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // *Вопросы экономики*. 2021. № 12. С. 66–93.

12. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баринаова В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 44–67.
13. Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Лощенкова А.Н., Прока К.А. Санкции: всерьёз и надолго. М.: Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2019.
14. Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылёв С.Г. (ред.). Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы. Вып. 43. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.
15. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. Изд. 3-е. М.: URSS. 2013.
16. Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика: национальный доклад. М.: Изд-во «Дело» РАНХиГС, АИПП, 2022.
17. Мау В.А., Кудрин А.Л., Синельников-Мурылёв С.Г. (ред.). Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. Вып. 40. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 279–290.
18. Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14. № 2. С. 199–211.
19. Пилиасов А.Н. Предпринимательство в Арктике: проблемы развития малого и среднего бизнеса в Арктической зоне, или Чем арктические предприниматели похожи на белых медведей? М.: URSS, 2021.
20. Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры / ВЦИОМ, 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565>
21. Тамбовцев В.Л., Валитова Л.А. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 18–31.
22. Chepurenko A., Sauka A. (ed.). Entrepreneurship in Transition Economies. Springer, 2017.
23. Chepurenko A., Vilenskiy A. SME policy of the Russian state (1990–2015): from a «generalist» to a «paternalist» approach // Working Paper WP1/2016/02 Series WP1 Institutional Problems of Russian Economy. 2016.
24. Fritsch, M., Wyrwich, M. Regional knowledge, entrepreneurial culture, and innovative start-ups over time and space – an empirical investigation // Small Business Economics. 2018. Vol. 51. No. 2. Pp. 337–353.

References

1. Abramov A.E., Aksenov I.V., Radygin A.D., Chernova M.I. Modern Approaches to Measuring the State Sector: Methodology and Empirics // Economic Policy. 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 36–69.
2. Auzan A.A., Avdienkova M.A., Andreeva D.A. et al. Sociocultural Factors of Innovative Development and Successful Implementation of Reforms. М.: CSR, 2017.
3. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Inclusive Growth and Regional Resilience in Russia // Region: Economics and Sociology. 2019. No. 1. Pp. 23–46.
4. Barinova V., Zemtsov S., Kotsubinsky V., Krasnoselskikh A., Tsareva Yu. Implementation of the Strategy for Development of the Small and Mid-Sized Businesses in Russia // Russian Economic Development. 2018. Vol. 25. No. 11. Pp. 36–45.
5. Bryzgalin V.A., Nikishina E.N. Is There a Regional Culture in Russia? Opportunities of Using a Sociocultural Approach in Economics // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 7. Pp. 108–126.
6. Verkhovskaya O.R., Bogatyreva K.A., Knatko D.M., Dorokhina M.V., Shmeleva E.V. National Report «Global Entrepreneurship Monitor. Russia 2020/2021». St Petersburg: Higher School of management St Petersburg University, 2021.
7. Vilenskiy A.V. Russian Small and Medium Businesses at the Beginning of the Coronavirus Crisis: Federal and Regional Aspects // Bulletin of the Institute of Economics RAS. 2020. No. 4. Pp. 46–57.
8. Guriev S., Sonin K. Economics of the Resource Curse // Voprosy Ekonomiki. 2008. No. 4. Pp. 61–74.
9. Zemtsov S.P. Institute, Entrepreneurship and Regional Development in Russia // Journal of the New Economic Association. 2020. Vol. 46. No. 2. Pp. 168–180.
10. Zemtsov S.P., Mikhailov A.A. Trends and Factors of Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russian Regions during Corona Crisis // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 4. Pp. 34–45.
11. Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V., Salimova D.R., Barinova V.A. Employment in Small and Mid-Sized Businesses in Russia: in Search of Growth Factors // Voprosy Ekonomiki. 2021. No. 12. Pp. 66–93.
12. Zemtsov S.P., Chepurenko A.Yu., Barinova V.A., Krasnoselskikh A.N. Small and Medium-Sized Businesses in Russia: in Search of the Employment Growth Factors // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 10. Pp. 44–67.
13. Knobel A.Yu., Bagdasaryan K.M., Loschenkova A.N., Proka K.A. Sanctions are Here to Stay. М.: Delo Publishing House, RANEPА, 2019.

14. Kudrin A.L., Mau V.A., Radygin A.D., Sinelnikov-Murylev S.G. (ed.). Russian Economy in 2021. Trends and Outlooks. Issue 43. M.: Gaidar Institute Press, 2022.
15. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V., Turovskiy R.F., Chetverikova A.S. Big Business Investment Strategies and Regional Economy. 3rd edition. M.: URSS, 2013.
16. Small and Medium-Sized Businesses in Russian Regions: Trends, drivers and anti-crisis policy: National Report. M.: Delo Publishing House, RANEPa, AIRR, 2022.
17. Mau V.A., Kudrin A.L., Sinelnikov-Murylev S.G. (ed.). Russian Economy in 2018. Trends and Outlooks. Issue 40. M.: Gaidar Institute Press, 2019. Pp. 279–290.
18. Obraztsova O.I., Chepurenskiy A.Yu. Entrepreneurial Activity in Russia and Its Cross-Regional Differences // Journal of the New Economic Association. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 199–211.
19. Pilyasov A.N. Entrepreneurship in the Arctic: Problems of small and medium business development in the Arctic zone or What the Arctic entrepreneurs are like polar bears? M.: URSS, 2021.
20. Entrepreneurship in Russia: Attitudes of Russians, barriers / VTSIOM, 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565>
21. Tambovtsev V.L., Valitova L.A. Resource Endowment of the Country and Its Political and Economic Implications // Economic Policy. 2007. No. 3. Pp. 18–31.
22. Chepurenskiy A., Sauka A. (ed.). Entrepreneurship in Transition Economies. Springer, 2017.
23. Chepurenskiy A., Vilenskiy A. SME policy of the Russian state (1990–2015): from a «generalist» to a «paternalist» approach // Working Paper WP1/2016/02 Series WP1 Institutional Problems of Russian Economy. 2016.
24. Fritsch, M., Wyrwich, M. Regional knowledge, entrepreneurial culture, and innovative start-ups over time and space – an empirical investigation // Small Business Economics. 2018. Vol. 51. No. 2. Pp. 337–353.

Reconsidering Long-term Trends in the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia and the Regions in the post-Soviet Period

Vera A. Barinova – Head of International Laboratory for Research on Sustainable Development Problems Regionalism of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Laboratory of Innovative Economics of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: barinova-va@ranepa.ru

Stepan P. Zemtsov – Director of Centre for Economic Geography and Regional Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Geographic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: zemtsov@ranepa.ru

Alexander A. Mikhaylov – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: mikhaylov-aa@ranepa.ru

Yulia V. Tsareva – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: tsareva-yv@ranepa.ru

Traditionally, trends and patterns in the development of small and medium-sized enterprises (SMEs) in Russia are assessed without taking into account changes in statistical criteria and methodologies, which can distort the analysis. This article describes and briefly explains the long-term trends in the development of the SME sector over the past 20 years in Russia, including taking into account a single end-to-end methodology of data series construction.

It was found that the number of SMEs in the country has been decreasing in recent years, but still exceeds the values of the 2000s due to the complication of the structure of the sector, the spread of various kinds of franchises and business fragmentation to avoid taxation. Actual employment in the SME sector, excluding the self-employed, has been declining for many years. Negative trends are associated with a decline in personal income and economic activity, especially during the pandemic.

In recent years, the number of forced entrepreneurs, self-employed, and, accordingly, the involvement of the population in entrepreneurial activity has been growing. The SME sector's productivity is lower than in the economy as a whole, and in the last few years this gap has been growing as the average size of an SME decreases.

The study was carried out within the framework of the RANEPa state task in 2022.

Key words: small and medium-sized businesses, entrepreneurial activity, labor productivity, employment, self-employed, Russian regions, pandemic.

JEL-codes: L26, P1.